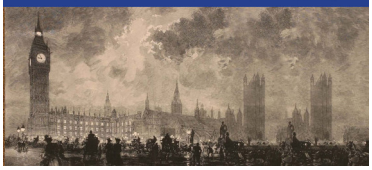
Артур Конан Дойл

Долина страха

Перевод с английского
Инны Бернштейн

ФТМ



Артур Дойл

Долина страха

«ФТМ»

1915

Дойл А. К.

Долина страха / А. К. Дойл — «ФТМ», 1915

Убийца сделал все, чтобы его жертва осталась неопознанной, а полиция пошла по ложному следу. Так бы и случилось, но вмешательство Шерлока Холмса ставит все на свои места. Преступник выходит из укрытия и сам поднимает мрачную завесу над своим прошлым в далекой Америке, откуда к нему через долгие годы тянулся кровавый след…

© Дойл А. К., 1915
© ФТМ, 1915

Содержание

Часть первая 5
Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 15
Глава 4 20
Глава 5 27
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Артур Конан Дойл
Долина страха

Часть первая
Берлстоунская трагедия

Глава 1
Предостережение

– Я склонен думать… – начал было я.

– Похвальное намерение, – язвительно оборвал меня Шерлок Холмс.

Таких кротких людей, как я, мне кажется, на свете не так уж много; но признаюсь, меня все же задело его насмешливое замечание.

– Знаете, Холмс, – раздраженно проговорил я, – иногда вы бываете просто невыносимы.

Но он был слишком поглощен своими мыслями, чтобы расслышать упрек. Сидя перед нетронутым завтраком, он разглядывал листок бумаги, только что вынутый им из конверта. Потом самым внимательным образом с обеих сторон осмотрел и сам конверт.

– Рука Порлока. Я почти уверен в этом, хотя видел образчики его почерка всего два раза. Это характерное Е, похожее на греческий эпсилон, с завитушкой сверху. Но если пишет Порлок, тогда это сообщение первостепенной важности.

Холмс не столько обращался ко мне, сколько рассуждал сам с собой. Но слова эти заинтриговали меня, и досада улетучилась.

– А кто он такой, Порлок? – спросил я.

– Порлок, Ватсон, это псевдоним, своего рода опознавательный знак, за которым прячется хитрый, неуловимый человек. Когда-то в одном письме он открыто сообщил мне, что это не настоящая его фамилия, и с насмешкой предлагал отыскать его в миллионной толпе жителей нашего огромного города. Порлок важен не сам по себе, а потому, что связан с великим человеком. Вообразите себе рыбу-лоцмана возле акулы или шакала при льве – словом, нечто незначительное рядом с огромным; и не только огромным, Ватсон, но еще и чрезвычайно зловещим. Вот почему я обратил на него внимание. Вы ведь слышали от меня о профессоре Мориарти?

– О знаменитом ученом-преступнике, который так же известен в уголовном мире, как…

– Вы меня смущаете, Ватсон.

– Но я всего лишь хотел сказать: как никому не известен в порядочном обществе.

– Туше! – воскликнул Холмс. – Очко в вашу пользу. Вы начали усваивать приемы язвительного юмора, надо будет изучить способы защиты. Но имейте в виду, называя Мориарти преступником, вы совершаете подсудное деяние. В глазах закона это клевета, так-то, Ватсон. Величайший заговорщик, организатор бесчисленных злодейств, гений преступного мира – вот что это за человек! При этом он недосягаем для закона и огражден от какой-либо критики, ибо так умело ведет дела и так ловко держится в тени, что за слова, сейчас вами сказанные, мог бы привлечь вас к суду и взыскать годовую сумму вашей пенсии в возмещение морального ущерба. Он уважаемый ученый, автор работы по астрономии «Динамика астероида», в которой вознесся на такие высоты чистой математики, что в научном мире, гово-

рят, нет специалиста, который способен ее прочесть и понять. Можно ли дурно говорить о таком человеке? Злостный хулитель и клеветник – вот в какой роли вы предстанете перед публикой. Он гений, Ватсон. И если его людишки со мной не расправятся, мы еще с ним потягаемся.

– Дай-то Бог стать тому свидетелем! – сказал я. – Но вы говорили про Порлока.

– Ах да. Так называемый Порлок – звено в преступной цепи. И не очень-то крепкое звено, я бы даже сказал – единственное слабое место цепи.

– Но прочность всей цепи не превосходит прочности слабейшего из звеньев.

– Именно так, мой дорогой Ватсон! Отсюда значение Порлока. Под воздействием зачаточной склонности к добру, подкрепляемой время от времени десятифунтовыми дотациями, он раза два снабдил меня полезной информацией, которая особенно ценна тем, что помогла предвосхитить и предотвратить злодейство. Не сомневаюсь, будь у нас ключ к шифру, мы прочли бы здесь сообщение именно такого рода.

Холмс разгладил листок на чистой тарелке. Я поднялся и увидел через его плечо следующую странную надпись:

534 II 13 127 36 31 4 17 21 41
ДУГЛАС 109 293 5 37 БЕРЛСТОУН
26 БЕРЛСТОУН 9 47 171

– Что это такое, Холмс?

– Очевидно, попытка сообщить некие секретные сведения.

– Но что проку в зашифрованном сообщении, если к шифру нет ключа?

– В данном случае, похоже, никакого.

– Почему вы говорите «в данном случае»?

– Потому, что существует множество шифров, которые я мог бы прочесть с той же легкостью, как читаю частные газетные объявления. Угадывать их смысл забавно и совсем не трудно. Но тут дело другое. Ясно, что это отсылка к словам на определенной странице в какой-то книге. До тех пор, пока я не знаю, которая страница и в какой книге имеется в виду, я бессилен.

– Но при чем тут «Дуглас» и «Берлстоун»?

– Видимо, это дополнительные слова, которых нет на той странице.

– Почему же он не указал, в какой книге искать?

– Ваша природная осмотрительность, дорогой Ватсон, так восхищающая ваших друзей, тоже наверняка не позволила бы вам прислать шифрованное письмо и ключ к шифру в одном конверте. Попади он в чьи-то посторонние руки, и все пропало. Иначе говоря, для провала нужно, чтобы оба письма оказались в чужих руках. Сейчас как раз должна прибыть почта, и я буду чрезвычайно удивлен, если мы не получим с ней либо второе письмо, содержащее объяснения, либо же, что вероятнее, саму книгу.

Расчеты Холмса подтвердились, и по прошествии всего нескольких минут Билли, мальчишка, прислуживающий в доме, вручил нам ожидаемое почтовое отправление.

– Почерк тот же, – заметил Холмс, вскрывая конверт. – И на этот раз есть даже подпись. Смотрите-ка, Ватсон, дело продвигается.

Однако, проглядев письмо, он нахмурился.

– Надо же, какая досада! Боюсь, что наши ожидания не оправдались. Надеюсь, что мистер Порлок не пострадал. Послушайте, что он пишет: «Дорогой мистер Холмс! Больше я ничего не смогу прибавить. Слишком велика опасность – он подозревает меня. Мне это ясно. Он неожиданно явился ко мне, когда я как раз собирался вложить в уже подписанный конверт ключ к шифру. Я едва успел прикрыть его другими бумагами. Несдобро-

вать бы мне, если бы он увидел адрес. Но я прочел подозрение в его взгляде. Пожалуйста, сожгите шифровку, вам она теперь бесполезна. Фред Порлок».

Несколько минут Холмс молчал, задумчиво глядя на огонь, тлевший в камине, и рассеянно скручивая письмо в трубочку.

– Вообще говоря, вполне возможно, что это ничего не значит, – проговорил он наконец. – Просто голос нечистой совести. Сознавая себя предателем, он мог вообразить, будто видит подозрение во взгляде того, второго.

– А второй, как я понимаю, это профессор Мориарти?

– Безусловно. Когда кто-то из этих людей говорит «он», всегда ясно, кого они имеют в виду. Для них существует только один «он».

– Но что он может им сделать?

– Гм, вопрос серьезный. Когда к тебе враждебно относится один из могущественнейших умов Европы, а значит, и все силы зла, стоящие за ним, открываются неисчислимые возможности. Во всяком случае, друг Порлок, как мы видим, перепуган не на шутку. Только сравните, как написано письмо, а как – надпись на конверте, сделанная, по словам самого писавшего, до нежданного прихода зловещего гостя. Адрес четкий и ясный. А в письме почерк неразборчивый.

– Но зачем ему было вам писать? Мог бы разорвать надписанный конверт, и дело с концом.

– Затем, что он опасался, как бы я не стал наводить справки и не навлек на него крупные неприятности.

– А, ну да, понятно, – согласился я.

Взяв в руки шифрованное письмо, я вгляделся в него повнимательнее.

– Надо же, какая досада! На этой бумажке, может статься, написана важная тайна, но проникнуть в нее – вне человеческих возможностей.

Шерлок Холмс отодвинул завтрак, до которого так и не дотронулся, и раскурил довольно зловонную трубку, которая была неизменным спутником его глубоких раздумий.

– Ну, это еще как сказать, – проговорил он, откинувшись на спинку стула и уставясь в потолок. – Пожалуй, есть кое-какие обстоятельства, ускользнувшие от вашего макиавеллиевского ума. Рассмотрим вопрос в свете чистого разума. Во-первых, в шифровке указываются страницы некоей книги. Это послужит нам отправным пунктом.

– Не слишком ясный отправной пункт.

– Давайте попробуем его уточнить. Если подумать хорошенько, задача уже не покажется такой неразрешимой. Какие у нас имеются сведения об искомой книге?

– Никаких.

– Ну, ну, по-моему, не так уж все безнадежно. Записка начинается с группы цифр **534**, верно? Примем как рабочую гипотезу, что они означают номер страницы. Тем самым книга, которая нас интересует, становится не просто книгой, а книгой весьма толстой. Это уже кое-что. Что еще нам известно об этой толстой книге? Следом идет фигура из двух вертикальных штрихов с перекладинами, то есть римское II, не так ли? Что это, по-вашему, может значить, Ватсон?

– Глава вторая, надо полагать.

– Вряд ли. Согласитесь, если известна страница, номер главы несуществен. К тому же, если 534#я страница приходится всего лишь на вторую главу, первая глава получается противоестественно длинной.

– Тогда столбец!

– Отлично, Ватсон. Нынче утром вы затмеваете сами себя. Имеется в виду второй столбец, если я не заблуждаюсь. Итак, мы уже можем представить себе толстую книгу, напеча-

танную в два столбца, притом достаточно больших, поскольку одно слово в шифровке обозначено номером **293**. Это все, что нам способен подсказать разум?

– Боюсь, что да.

– О нет, вы к себе несправедливы. Еще один всплеск умственной активности, мой дорогой Ватсон, – еще одно озарение. Будь это редкая книга, Порлок послал бы ее мне. А он, как мы видим из письма, собирался, прежде чем его планы были нарушены, отправить только ключ к шифру. Отсюда следует, что раздобыть книгу, о которой идет речь, для меня, по его мнению, не составит труда. У него она есть, и у меня, по его понятиям, она тоже должна быть. Иначе говоря, Ватсон, это очень распространенная книга.

– Ваши рассуждения кажутся убедительными.

– Мы уже сузили поле наших поисков до одной весьма толстой книги, набранной в два столбца и имеющейся повсюду.

– Библия! – обрадованно воскликнул я.

– Прекрасно, Ватсон! Но я все-таки позволю себе заметить, что Библия не кажется мне той книгой, которая всегда под рукой у сообщников Мориарти. Да и к тому же Священное Писание издано в таком количестве различных изданий, что едва ли два экземпляра будут иметь одну и ту же нумерацию страниц. Тут имеется в виду книга, которая перепечатывается всегда в одном формате. Порлок знает наверняка, что его 534#я страница точно соответствует моей.

– Но таких книг очень немного.

– Вот именно. И в этом наше спасение. Мы должны искать одно из стабильных изданий, которые имеются у каждого.

– Железнодорожный справочник «Брэдшоу»?

– На это, Ватсон, можно кое-что возразить. Язык в «Брэдшоу» хоть и емкий, но весьма ограниченный. Его подбор слов вряд ли подойдет для составления обычных сообщений. «Брэдшоу» мы, пожалуй, исключим. По тем же соображениям нам не подойдет толковый словарь. Что же остается?

– Ежегодник?

– Правильно! По-моему, вы попали в самую точку. Ежегодник. Например, «Альманах Уитакера». Им пользуются все. Количество страниц подходящее. Печатается в два столбца. Правда, лексика в начальных статьях немного скуповата, но ближе к концу, если мне не изменяет память, он становится весьма болтлив. – Холмс взял «Альманах» с письменного стола. – Вот страница 534, второй столбец. Здесь большой абзац, посвященный ресурсам Британской Индии. Записывайте слова, Ватсон! Номер тринадцать – «Махараштра». Боюсь, начало не слишком обнадеживающее. Номер сто двадцать семь – «правительство». Это, по крайней мере, не бессмысленно, хотя к нам и к профессору Мориарти отношения как будто бы не имеет. Так, смотрим дальше. Что делает правительство Махараштры? Увы! Следующее слово – «щетина». Все кончено, мой дорогой Ватсон! Ничего не вышло!

Говорилось это весело и как бы шутя, но нахмуренные брови Холмса выдавали разочарование и досаду. Я, стыдясь собственной беспомощности, молчал и понуро смотрел на огонь.

Неожиданно Холмс подбежал к шкафу и вынул оттуда толстый том в желтой обложке.

– Послушайте, Ватсон, – воскликнул он, – сегодня только седьмое января, а у нас на столе уже новый ежегодник. Но вполне вероятно, что Порлок пользовался еще старым. Давайте-ка посмотрим, что нам предлагает страница 534#я? Номер тринадцать – «грозит». Это уже лучше. Номер сто двадцать семь – «опасность». Итак, «грозит опасность». – Глаза Холмса возбужденно горели, тонкие, нервные пальцы чуть дрожали, отсчитывая следующее слово. – «Возможно»! Ха-ха! Превосходно. Записывайте, Ватсон. «Грозит – опасность – возможно – случится – очень – скоро»… Дальше идет имя: «Дуглас». Затем: «богатый – заго-

родный – сейчас – в – Берлстоун – убеждение – безотлагательно»… Ну что, Ватсон? Что вы скажете насчет чистого разума и его плодов? Я видел у зеленщика лавровый венок, надо бы послать за ним Билли.

Я с недоумением смотрел на текст, который сам же только что записал под его диктовку.

– Какой-то странный рваный способ выражать свои мысли, – заметил я.

– Напротив, очень изобретательно написано, – возразил Холмс. – Когда приходится все слова отыскивать в пределах одного столбца, их, конечно, в нужной форме не подберешь. Приходится положиться на смекалку адресата. Но смысл послания совершенно ясен. Замышляется какое-то злодеяние против некоего Дугласа, проживающего в указанном доме, по-видимому, где-то в провинции, ибо сказано, что он богатый сельский джентльмен. Пишущий это письмо убежден – ближе «убеждения» он ничего не нашел – это дело безотлагательной важности. Вот что мы с вами в итоге получили. Неплохая работа, а?

Холмс все еще довольно потирал руки, когда Билли распахнул дверь и впустил к нам инспектора Макдоналда из Скотленд-Ярда.

В те годы, а дело происходило в конце 80#х, Алек Макдоналд еще не достиг той славы, какой пользуется по всей стране в наше время. Это был молодой, но уже успевший отличиться в нескольких трудных операциях полицейский. Долговязая худощавая фигура выдавала его недюжинную физическую силу, а крупная голова и живые глаза, поблескивавшие из-под мохнатых бровей, свидетельствовали об уме и смекалке. Нрава он был молчаливого, в действиях отличался четкостью и упорством и говорил с заметным шотландским акцентом.

Холмс дважды помог ему добиться крупного успеха по службе, сам довольствуясь только интеллектуальным удовлетворением от решения сложной задачи. По этой причине Макдоналд питал к своему коллеге-непрофессионалу глубокое уважение и доверие и не стеснялся обращаться за советом, когда сталкивался с затруднениями. Посредственность не знает ничего выше себя, талант же признает гения с первого взгляда, а у Макдоналда доставало таланта и профессионализма, чтобы понимать, что нет ничего унизительного в обращении за помощью к человеку, чей дар и опыт не имеют себе равных во всей Европе. Холмс, не привыкший вступать с людьми в дружеские отношения, к долговязому шотландцу питал симпатию и всегда встречал его улыбкой.

– Вы с утра уже в трудах, мистер Мак, – сказал Холмс. – Желаю вам заслуженных успехов. Боюсь, вы опять столкнулись с каким-то злодейством?

– Если бы вы вместо «боюсь» сказали «надеюсь», мистер Холмс, это было бы, по моим понятиям, ближе к истине, – ответил, ухмыляясь, инспектор. – Самые первые часы в расследовании, как вам прекрасно известно, сэр, – часы золотые, но… но…

Инспектор вдруг смолк, с изумлением глядя на лежащий на столе листок с записью расшифровки загадочного письма.

– «Дуглас»! – с недоумением прочитал он. – «Берлстоун»! Что это значит, мистер Холмс? Просто колдовство какое-то. Ради всего святого, откуда у вас эти имена?

– Вот из этого письма, которое мы тут с доктором Ватсоном расшифровывали. А в чем дело? Что-то не так?

Инспектор перевел взгляд с Холмса на меня и обратно.

– Только то, – растерянно выговорил он, – что мистер Дуглас, проживавший в своем имении Мэнор-хаус в Берлстоуне, был зверски убит этой ночью!

Глава 2
Шерлок Холмс рассуждает

Ради таких драматических моментов и жил мой друг Шерлок Холмс. Было бы преувеличением сказать, что поразительные слова инспектора Макдоналда потрясли или даже хотя бы взволновали его. В его уникальном характере не было ни грана жестокости, но от многократных столкновений с событиями подобного рода сердце его, бесспорно, покрылось коростой. Однако, хотя эмоции и притупились, рассудок отличала необычайная живость. Холмс нисколько не ужаснулся этому, казалось бы, мистическому совпадению; лицо его просто приняло выражение тихой, сосредоточенной заинтересованности, как у химика-экспериментатора, наблюдающего выпадение кристаллов в перенасыщенном растворе.

– Гм, забавно! – сказал Холмс.

– Вы даже не удивились?

– Удивиться не удивился, но заинтересовался, мистер Мак. С чего бы мне удивляться? Из заведомо надежного источника я получил известие, предупреждающее, что некоему лицу грозит опасность. Проходит не более часа, и я узнаю, что угроза осуществилась, человек этот убит. Меня это заинтересовало, но, как вы справедливо заметили, не удивило.

Холмс в нескольких словах изложил инспектору обстоятельства, связанные с письмом и шифром. Макдоналд слушал, подперев ладонью подбородок и сведя вместе мохнатые рыжие брови.

– Я собираюсь сейчас же ехать в Берлстоун, – сказал он, когда Холмс договорил, – а к вам завернул спросить, не захотите ли вы и ваш друг ко мне присоединиться. Но из вашего рассказа, видимо, следует, что нам полезнее поработать в Лондоне.

– Отнюдь, – покачал головой Холмс.

– Но, черт возьми, Холмс, через день-два газеты будут полны «Берлстоунской загадкой», а какая же тут загадка, если в Лондоне находится человек, заранее знавший о готовящемся преступлении? Надо только его арестовать, и все дела.

– Вам не откажешь в логике, мистер Мак. Но как вы намерены найти этого типа?

Макдоналд покрутил в руках письмо.

– Место отправления – Камберуэлл. Это нам мало что дает. Имя отправителя, как вы говорите, не настоящее. Да, исходных данных маловато. Но вы, кажется, говорили, что посылали ему деньги?

– Дважды.

– Каким образом?

– До востребования на Камберуэллское почтовое отделение.

– И даже не попытались взглянуть на того, кто их получает?

– Нет.

– Почему?

– Потому что я всегда выполняю уговор. После получения первого письма я обещал, что не буду его выслеживать.

– Полагаете, за ним кто-то стоит?

– Несомненно.

– Тот профессор, про которого вы мне рассказывали?

– Именно!

Инспектор Макдоналд усмехнулся и, посмотрев в мою сторону, еле заметно подмигнул.

– Не скрою от вас, мистер Холмс, у нас в сыскной полиции считают, что вы немного свихнулись на этом профессоре. Я лично наводил справки. Судя по всему, это весьма уважаемый, высокообразованный и талантливый человек.

– Рад, что вы признаете за ним хотя бы талант.

– Ну а как же! Выслушав вас, я счел своим долгом с ним повидаться. Зашла речь о затмениях. Как это получилось, не помню. Но он достал рефлектор и глобус и в две минуты мне все объяснил. Да еще книгу дал почитать, правда, признаюсь, она оказалась мне не по зубам, хоть я и получил основательное шотландское образование. Этот человек удивительно похож на пресвитерианского проповедника, у него такое худое лицо, и седая шевелюра, и высокопарная речь. Прощаясь, он положил мне руку на плечо – прямо отец родной, благословляющий сына на встречу с жестоким, холодным миром.

Холмс ухмыльнулся.

– Здорово! – сказал он. – Великолепно! А скажите-ка, друг мой, эта приятная и трогательная беседа происходила у профессора в кабинете?

– Да.

– Красивая комната, верно?

– Очень красивая, мистер Холмс. Обставлена прекрасно.

– Вы сидели напротив его письменного стола?

– Точно.

– Солнечный свет падал на ваше лицо, а сам он находился в тени?

– Вообще-то дело было вечером, но я помню, что свет лампы был направлен на меня.

– Именно. Вы случайно не заметили картину, висящую над головой профессора?

– Я обычно стараюсь замечать все, мистер Холмс. Наверно, от вас научился. Да, видел я эту картину: молодая женщина сидит, подперев рукой щеку, и искоса смотрит на вас.

– Это полотно работы Жана Батиста Грёза.

Инспектор постарался принять понимающий вид.

– Жан Батист Грёз, – продолжал Холмс, откинувшись на спинку стула и скрестив пальцы, – это французский живописец, расцвет которого приходится на вторую половину прошлого столетия, я имею в виду расцвет творчества, разумеется. Искусствоведение наших дней более чем подтвердило ту высокую оценку, которую ему дали современники.

Во взгляде инспектора явно проглядывала скука.

– Не лучше ли нам… э#э… вернуться… – забормотал он.

– Именно это мы и делаем, – оборвал его Холмс. – То, что я сейчас говорю, имеет непосредственное отношение к тому, что сами же вы назвали «Берлстоунской загадкой». Возможно, в этом и есть ее суть.

Макдоналд жалобно улыбнулся и посмотрел на меня, молча взывая о помощи.

– Я не поспеваю за вашими мыслями, мистер Холмс. Вы опускаете какие-то звенья, а я не могу перепрыгнуть через разрыв. Ну, какая, скажите на милость, может быть связь между давно умершим художником и убийством в Берлстоуне?

– В сыщицком деле любое знание – благо, – сказал Шерлок Холмс. – Даже такой прозаический факт, что в 1865 году картина Грёза «Девушка с ягненком» была продана на аукционе Портали за один миллион двести тысяч франков (что равняется более чем сорока тысячам фунтов), может подтолкнуть ваши мысли в нужном направлении.

Было видно, что толчок уже подействовал. Инспектор оживился, посмотрел с интересом.

– Осмелюсь напомнить вам, – продолжал Холмс, – что величину профессорского жалованья нетрудно узнать из любого надежного справочника, коих имеется несколько. Семьсот фунтов в год.

– Но как же тогда он мог приобрести…

– О том и речь. Как же он мог?

– Н#да, интересно, – сказал, задумавшись, инспектор. – Продолжайте, мистер Холмс. Вас слушать – одно удовольствие. Заслушаешься.

Холмс улыбнулся. Он всегда, как это свойственно настоящим артистам, радовался искреннему восхищению.

– А как же Берлстоун?

– Время еще есть, – ответил инспектор, покосившись на часы. – Кеб ждет у крыльца, и до вокзала Виктории мы доедем меньше чем за двадцать минут. Меня вот что интересует: помнится, вы говорили, мистер Холмс, что никогда не видели профессора Мориарти.

– Никогда.

– Тогда откуда вам известно убранство его комнат?

– Ну, это дело другое. Я три раза побывал в его квартире, дважды приходил в его отсутствие якобы по каким-то делам, сидел, ждал и, не дождавшись, уходил. А однажды… Впрочем, об этом случае не следует рассказывать детективу. Именно тогда я позволил себе взглянуть на бумаги, и результаты оказались самые неожиданные.

– Нашли что-то компрометирующее?

– Ни строчки. Это-то меня и удивило. Надеюсь, теперь вам ясно насчет картины. Она свидетельствует о том, что ее владелец – человек весьма богатый. Но как он разбогател? Он не женат. Его младший брат работает начальником железнодорожной станции на западе Британии. Научная работа приносит ему семьсот фунтов в год. И однако, у него есть полотно Грёза.

– И значит?..

– По-моему, вывод напрашивается.

– То есть, что он имеет большие доходы, и, судя по всему, незаконные?

– Совершенно верно. Разумеется, у меня имеются и другие причины так полагать – с десяток тончайших нитей тянутся к центру паутины, где затаилось коварное, ядовитое существо. Я назвал полотно Грёза просто потому, что вы и сами его видели.

– Ну что ж, мистер Холмс. Признаю, что все это весьма интересно. Более того – поразительно. Но давайте все же уточним, если можно. Что является источником его доходов: мошенничество, фальшивые деньги, грабежи?

– Вы читали о Джонатане Уайльде?

– Имя вроде бы знакомое. Персонаж из какой-то книги? Я не высоко ставлю детективные романы, сыщики в них поступают самым странным образом, а почему, не объясняется. Их просто вдруг осеняет. Это не работа.

– Джонатан Уайльд – не сыщик и не персонаж из книги. Это чрезвычайно ловкий преступник, и жил он в XVIII веке, где-то в 1750#х годах.

– Ну, тогда он мне ни к чему. Я человек дела.

– Мистер Мак, самым полезным делом для вас было бы запереться у себя дома месяца этак на три и по двенадцать часов в сутки изучать историю преступлений. Все в мире повторяется. Джонатан Уайльд управлял лондонскими преступниками, продал им свои мозги за пятнадцать процентов комиссионных. Колесо описало полный круг, и снова показалась та же спица. Все это уже бывало прежде и будет впредь. Я сообщу вам некоторые факты о Мориарти, которые могут вас заинтересовать.

– Вы и так уже меня заинтересовали больше некуда.

– Случайно мне стало известно, кто является первым звеном в цепи, связывающей этого Наполеона преступного мира и сотню бывших кулачных бойцов, карманников, шантажистов и карточных шулеров. Начальником штаба у него полковник Себастьян Моран, такой же высокомерный, осмотрительный и недоступный для полиции, как и Мориарти. Сколько, вы думаете, он ему платит?

– Рад был бы узнать.

– Шесть тысяч в год. Плата за мозги – принцип американского бизнеса. Я узнал это совершенно случайно. Премьер-министр получает меньше. Можете на основании этого судить о доходах Мориарти и размахе его деятельности. И еще одно: я приложил старания к тому, чтобы ознакомиться с некоторыми чеками, выписанными профессором в последнее время, обыкновенными, невинными чеками, которыми он оплачивал домашние расходы. Чеки выписаны на шесть разных банков. Это вам о чем-нибудь говорит?

– Довольно странно. И каков же ваш вывод?

– Он не хочет, чтобы пошли слухи о его богатстве. Никто не должен иметь полного представления о его доходах. Можете не сомневаться, у него десятка два банковских счетов, а основная часть капитала за границей, в «Дойче банке» или в «Лионском кредите». Когда-нибудь, когда у вас выберется свободный годик-другой, рекомендую вам плотнее заняться профессором Мориарти.

Видно было, что на инспектора Макдоналда рассказ Холмса произвел сильное впечатление, он слушал его разинув рот. Но вот он словно очнулся, в нем снова пробудилась шотландская деловитость, вернувшая его к сиюминутным заботам.

– Ладно, с Мориарти можно пока подождать, – сказал он. – Вы нас тут совсем заговорили, мистер Холмс. На самом деле сейчас важно только то, что между профессором и преступным миром существует определенная связь. Это следует из предостережения, которое вы получили от некоего Порлока. А больше ничего полезного для нас не просматривается?

– Представить возможные мотивы убийства нетрудно. Как я понял из ваших слов, вы поначалу отнесли его к необъяснимым преступлениям. Но если принять гипотезу, что замысел его принадлежит профессору, возможны два мотива. Прежде всего, следует иметь в виду, что Мориарти правит своими людьми беспощадно. У него железная дисциплина. Наказание предусмотрено только одно – смерть. Вполне вероятно, что убитый, этот самый Дуглас, о чьей предстоящей гибели заранее знал один из приближенных главаря, чем-то не угодил Мориарти. Провинившегося настигает кара – факт, о котором станет известно всем, дабы боялись за свою жизнь.

– Что ж, мистер Холмс, одно предположение мы выслушали.

– А вот другое. Заказное убийство. Это бизнес уважаемого профессора. В доме ничего не украдено?

– Насколько мне известно, нет.

– Это, разумеется, говорит в пользу второй гипотезы. Мориарти мог получить деньги вперед, а уж потом осуществить то, что от него требовалось. Но в любом случае разгадку следует искать на месте, в Берлстоуне.

– Так едем в Берлстоун! – воскликнул Макдоналд, вскакивая. – Бог ты мой! Сейчас позже, чем я думал. Джентльмены, могу дать вам пять минут на сборы, и ни секундой больше.

– Этого достаточно, – отозвался Холмс, поднимаясь, чтобы сменить халат на пальто. – А по дороге, мистер Мак, будьте любезны изложить мне все подробности дела.

«Всех подробностей» оказалось до обидного мало, но мы все же смогли убедиться, что случай интересный и, по-видимому, вполне заслуживающий вмешательства эксперта. Холмс, оживившись и потирая худые руки, жадно слушал скупой, но весьма интересный рассказ инспектора. Позади осталась череда скучных, бессодержательных недель, и вот наконец появился подходящий объект для приложения тех редкостных способностей, которые – без применения – становятся в тягость. Ум Шерлока Холмса, подобно острой бритве, в бездействии тупел и покрывался ржавчиной.

Но раздался призыв к работе, и глаза его заблестели, всегда бледные щеки тронул теплый румянец, лицо осветилось изнутри горячим нетерпением. Холмс, весь подавшись

вперед, внимательно слушал немногословный доклад Макдоналда о том, что нас ждет в Суссексе. Инспектор объяснил, что рассказ его основан на письменном донесении, доставленном ему в Лондон на рассвете с «молочным» поездом. Уайт-Мейсон, местный полицейский, – его добрый знакомый, и поэтому Макдоналд оказался оповещен о случившемся гораздо раньше, чем обычно поступают в Скотленд-Ярд подобные сведения из провинции, сопровождаемые просьбой о подмоге. Как правило, к тому времени, когда подключается столичный специалист, след уже остывает.

> «Дорогой инспектор Макдоналд, – говорилось в записке, которую он нам зачитал. – В отдельном конверте посылаю вам официальное приглашение. Требуется ваша помощь. Телеграфируйте, на каком поезде вы сможете приехать в Берлстоун, и я вас встречу или пришлю кого-нибудь, если сам буду занят. Случай просто невероятный. Не медлите ни мгновения! Если возможно, захватите с собой мистера Холмса: он найдет здесь нечто по своему вкусу. Можно было бы подумать, что все это устроено ради театрального эффекта, если бы не мертвое тело прямо посреди сцены. Совершенно поразительный случай, клянусь!»

– Ваш знакомый, похоже, неглупый человек, – сказал Холмс.

– Ваша правда, сэр, Уайт-Мейсон – человек толковый.

– Ну, а еще он что-нибудь пишет?

– Только, что сообщит подробности при личной встрече.

– Тогда как же вы узнали про мистера Дугласа и про то, что он был зверски убит?

– Эти сведения содержатся в официальном докладе. Там не сказано – «зверски», это не официальный термин. Но имя сообщается: Джон Дуглас. И говорится о повреждениях головы, выстрел был произведен в лицо из дробовика. Тревогу подняли незадолго до полуночи. И еще пишут, что тут несомненно убийство, но никто не задержан, и что вообще дело сопряжено с некоторыми весьма странными и непонятными обстоятельствами. И это – все, что имеется в нашем распоряжении, мистер Холмс.

– Раз так, мистер Мак, мы, с вашего позволения, пока этим и удовлетворимся. Беда нашей профессии – соблазн выстроить необоснованные теории раньше времени. На данный момент, как я вижу, не подлежат сомнению только две вещи: мощный ум в Лондоне и труп в Суссексе. От нас же требуется нащупать все звенья цепи, которая их связывает.

Глава 3
Берлстоунская трагедия

Теперь я прошу у читателя позволения удалить со сцены свою незначительную персону и, воспользовавшись сведениями, полученными впоследствии, описать события, происшедшие в Берлстоуне до того, как мы туда прибыли. Только так я смогу рассказать о людях, замешанных в этой истории, и странной обстановке, в которой вершилась их судьба.

Деревня Берлстоун представляет собой группу фахверковых домов очень старой постройки. Расположенная на северной границе графства Суссекс, она столетиями сохранялась в первозданном виде. Но в последние годы ее живописный вид и красивые окрестности привлекли несколько вполне обеспеченных семейств, чьи виллы теперь тут и там выглядывают из лесных зарослей. Здешние леса, как считается, представляют собой южный край Уилдского леса, который, постепенно редея, доходит до северных меловых холмов. Для удовлетворения потребностей возросшего числа жителей как грибы выросли разные магазины, и, похоже, у некогда глухой деревни появилась перспектива в недалеком будущем превратиться в современный городок. К тому же ближайший относительно крупный город, Танбридж-Уэллс, расположен милях в десяти к востоку, уже на территории графства Кент.

Примерно в полумиле от Берлстоуна посреди старинного парка, знаменитого огромными буками, расположена старая усадьба, часть которой датируется еще временами первого крестового похода, когда Гуго де Капус возвел оборонительную башню в центре своих владений, пожалованных ему Красным королем. В 1543 году башня сгорела, а закопченные тесаные угловые камни в эпоху короля Якова пошли на новое строительство, и из руин феодального замка поднялся краснокирпичный дом провинциального землевладельца.

До наших дней Мэнор-хаус с острыми коньками крыши и мелкими ромбовидными переплетами на окнах сохранился почти в том же виде, какой ему придали строители в самом начале XVII столетия. Из двойного крепостного рва внешний успел пересохнуть, и на его месте разбили прозаический огород. А вот внутренний, опоясывающий весь дом, сохранился, и хотя сильно обмелел, но все еще имеет в ширину добрых сорок футов. Ров питал небольшой ручей, так что вода в нем, хоть и была мутной, никогда не загнивала и не источала вредных испарений. Окна нижнего этажа находились всего в футе от ее поверхности.

Единственный путь в дом вел через подъемный мост, железный механизм которого – цепи и лебедка – давно проржавел и не действовал. Однако последние обитатели Мэнор-хауса, люди деловые, все починили, и теперь подъемный мост был исправен, он не только теоретически мог подниматься, но его и на самом деле ежевечерне поднимали, а утром опускали. В результате возрождения сего феодального обычая Мэнор-хаус по ночам превращался в остров, что имело непосредственное отношение к загадочной трагедии, которой суждено было в скором времени привлечь внимание всей Англии.

До того как там поселились Дугласы, старый дом на протяжении нескольких лет стоял пустой и уже грозил разрушиться и превратиться в живописную развалину. Семья Дугласов состояла всего из двух человек: Джона Дугласа и его супруги. Дуглас был человек примечательный, как по внешности, так и характером. Лет около пятидесяти, на лице глубокие складки, подбородок упрямый, в усах седина, взгляд серых глаз как-то по-особенному зорок, и весь он, статный, крепко сбитый, не утратил с возрастом ни грана молодой силы и энергии. Держался он со всеми дружелюбно и приветливо, но манеры его не отличались особым лоском, что выдавало его знакомство с жизнью гораздо более низких слоев общества, чем суссекский провинциальный свет. Но как бы то ни было, несмотря на то, что более просвещенные соседи поглядывали на Дугласа искоса, он скоро завоевал благосклонность прочих жителей деревни, щедро подписываясь на всевозможные общественные

нужды и принимая участие в деревенских концертах, на которых, обладая превосходным, звучным тенором, всегда готов был спеть, если потребуется. Денег у него, судя по всему, было вдоволь, говорили, что он привез их с золотых приисков Калифорнии, и действительно, по его собственным словам и по словам жены, мистер Дуглас немало лет прожил в Америке. Помимо щедрости и общительности он обладал еще одним вызывающим почтение качеством – абсолютным бесстрашием. Не умея ездить верхом, появлялся на каждом охотничьем сборе и старался не отставать от лучших всадников, хотя случалось, падал с лошади и разбивался самым жестоким образом. Во время пожара в доме священника он кинулся в горящее здание, чтобы спасти имущество, хотя местная пожарная бригада уже умыла руки и прекратила борьбу с разбушевавшимся пламенем. Так Джон Дуглас, владелец Мэнор-хауса, за пять лет завоевал всеобщее уважение.

Те, кому довелось познакомиться с его супругой, находили ее весьма приятной особой. Правда, согласно английским обычаям, поскольку новые соседи не привезли с собой никаких рекомендательных писем, визиты им нанесли не многие. Новую хозяйку усадьбы это как будто бы не особенно задело, она не отличалась общительностью и, судя по всему, с головой ушла в заботы о муже и домашние хлопоты. Известно было, что она англичанка, с мистером Дугласом познакомилась в Лондоне – он к тому времени уже овдовел. Миссис Дуглас была темноволосая красавица, высокая и стройная, муж превосходил ее годами лет на двадцать. Но было незаметно, чтобы разница в возрасте как-нибудь сказывалась на семейном согласии.

Впрочем, те, кто знал их ближе, порой чувствовали, что полной доверительности между супругами, по-видимому, все же нет; жена то ли не желала отвечать на расспросы о прошлом мужа, то ли, что гораздо правдоподобнее, была не обо всем осведомлена. Кое-кто из более наблюдательных знакомых обратил внимание на то, что в миссис Дуглас иногда чувствовалась нервозность, ей определенно бывало не по себе, если муж где-нибудь задерживался позже обычного часа. В скучной деревенской жизни люди радуются любой пище для пересудов, и об этой слабости хозяйки Мэнор-хауса любили поговорить. Когда же произошло несчастье, эту ее особенность просто нельзя было не заметить, и в глазах соседей она обрела особое значение.

Был в Мэнор-хаусе и еще один человек, правда не постоянный жилец, а скорее гость, однако присутствовавший там как раз в те часы, когда произошли загадочные события, о которых чуть ниже. В результате он тоже оказался в центре всеобщего внимания. Речь идет о Сесиле Джеймсе Баркере, проживавшем в Хэмстеде в Хейлс-Лодже.

Рослую, широкоплечую фигуру Сесила Баркера привыкли видеть на главной деревенской улице, так как он был частым и желанным гостем в Мэнор-хаусе. Он возбуждал всеобщее любопытство, так как был единственным другом Дугласа из прошлой жизни. Что он англичанин, не вызывало ни у кого сомнения; однако с его собственных слов стало известно, что познакомились они в Америке и поддерживали там весьма близкие отношения. Был он, судя по всему, человек далеко не бедный и, говорят, еще холостой.

Баркер был моложе Дугласа, лет сорока пяти, не больше, высокий, прямой, с широкими, развернутыми плечами, с бритым лицом кулачного бойца и твердым взглядом черных глаз, взглядом таким повелительным, что, казалось, мог, даже не пуская в ход кулаки, проложить дорогу во враждебной толпе. Баркер не участвовал в охоте на лис верхами и не ходил за болотной дичью с ружьем, но любил с трубкой в зубах гулять по окрестностям старой деревни и ездить в кабриолете с хозяином дома, а в его отсутствие – с хозяйкой, и любоваться живописными видами. «Приятный и щедрый джентльмен, – сказал о нем дворецкий Эймс. – Но, знаете ли, не хотел бы я очутиться у него поперек дороги». С Дугласом он держался сердечно и по-свойски и так же дружен был с его женой – эта дружба по временам сердила мужа

настолько, что замечали даже слуги. Таков был третий, присутствовавший в доме к моменту, когда произошла трагедия.

Что до прочих обитателей усадьбы, то довольно упомянуть важного, чопорного и всеведущего Эймса, а также миссис Аллен, румяную жизнерадостную особу, которая снимала с хозяйкиных плеч часть груза домашних забот. Остальные шестеро не имели никакого отношения к тому, что случилось там в ночь на 6 января.

Первый сигнал тревоги достиг местного полицейского участка, находившегося под началом сержанта Уилсона, в одиннадцать часов сорок пять минут. По ступеням взбежал невероятно взволнованный Сесил Баркер и принялся отчаянно звонить в колокольчик. «В Мэнор-хаусе произошло несчастье – убит Джон Дуглас», – задыхаясь, сообщил он полицейскому. И сразу же побежал обратно. Сержант Уилсон последовал за ним и в самом начале первого был уже на месте преступления, задержавшись только для того, чтобы сообщить начальству, что случилось что-то серьезное.

Он увидел, что подъемный мост опущен, в окнах свет, а все обитатели дома перепуганы и взволнованы. Бледные слуги жались друг к другу в холле, на пороге в ужасе ломал руки дворецкий. Один только Баркер сохранял присутствие духа – он отпер ключом дверь комнаты рядом с парадным входом и жестом пригласил сержанта следовать за собой. В эту минуту прибыл доктор Вуд, толковый и энергичный врач из деревни, и трое мужчин вошли в комнату одновременно, за ними по пятам шел потрясенный дворецкий, который прикрыл за собою дверь, чтобы уберечь горничных от страшного зрелища.

Убитый лежал посередине комнаты на спине, руки и ноги его были раскинуты. На нем был розовый халат, надетый прямо на ночную рубаху. На босых ногах мягкие домашние туфли. Доктор, взяв со стола переносную лампу, опустился на колени. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять, что его услуги здесь не потребуются. Несчастный был страшно изувечен. Поперек его груди лежало странное оружие – дробовик со стволом, спиленным по самые спусковые крючки. Было ясно, стреляли из него, притом с близкого расстояния и прямо в лицо, так что череп разнесло на куски. Курки были связаны проволокой, чтобы выстрелили сразу оба ствола и сила заряда удвоилась.

Деревенский страж закона был испуган и подавлен огромной ответственностью, которая свалилась на него столь внезапно.

– Не будем ни к чему прикасаться, пока не прибудет начальство, – произнес он вполголоса, с ужасом глядя на разбитую голову.

– Никто ничего не трогал, – сказал Сесил Баркер. – Могу поручиться. Все осталось точно в том виде, как было мною обнаружено.

– В котором часу это случилось? – спросил сержант, доставая блокнот.

– Ровно в половине одиннадцатого. Я еще не раздевался, сидел в своей комнате у камина и вдруг услышал выстрел. Не особенно громкий, словно с глушителем. Я сразу бросился вниз, думаю и полминуты не прошло, как я уже был здесь.

– Дверь была открыта?

– Да, распахнута. Бедный Дуглас лежал, как сейчас. На столе горела свеча в подсвечнике. Лампу зажег я, когда немного пришел в себя.

– Вы никого не видели?

– Нет. Я услышал, что по лестнице спускается миссис Дуглас, и выбежал, чтобы остановить ее и оградить от этого ужасного зрелища. Миссис Аллен, экономка, увела ее наверх. Появился Эймс, и мы вместе вошли сюда.

– Но ведь подъемный мост, как я слышал, на ночь поднимают?

– Да. Он и был поднят. Это я его опустил.

– Тогда убийца не мог отсюда выбраться. Это совершенно невозможно! Выходит, мистер Дуглас застрелился сам.

– Мы тоже было так решили. Но взгляните! – Баркер отдернул штору: окно было распахнуто настежь. – И посмотрите на это! – Он опустил лампу и осветил кровавое пятно в форме подошвы, отпечатавшейся на деревянном подоконнике. – Кто-то, вылезая, наступил сюда.

– То есть этот человек перебрался через ров вброд?

– Именно.

– Тогда, если вы прибежали сюда через полминуты, он должен был в это время находиться в воде.

– Не сомневаюсь, что так и было. Если бы я только догадался сразу выглянуть в окно! Но оно, как вы видели, закрыто шторой, и я не подумал об этом. А потом, услышав шаги миссис Дуглас, я вышел, чтобы не допустить ее сюда. Слишком уж зрелище ужасное.

– Ужасное, – подтвердил доктор, разглядывая разбитую голову в луже крови. – Не видел ничего подобного со времени берлстоунского железнодорожного крушения.

– Но послушайте, – произнес сержант, чей медлительный здравомыслящий ум задержался на открытом окне. – Вот вы говорите, что неизвестный ушел, перебравшись через ров вброд. Но как он вообще сюда попал, если мост был поднят?

– Да, это непонятно, – сказал Баркер.

– В котором часу его подняли?

– Без малого в шесть, – ответил дворецкий Эймс.

– Я слышал, его всегда поднимают, когда солнце садится, – сказал сержант. – Это будет ближе к половине пятого, а не без малого шесть, в это-то время года.

– У миссис Дуглас были к чаю гости, – пояснил Эймс. – Я не мог его поднять, пока они не ушли.

– Ну, тогда картина получается такая, – заключил сержант. – Если кто-то пробрался в дом извне – если, конечно, дело было именно так, – то он должен был перейти мост до шести и прятаться где-то здесь, пока, уже после одиннадцати, в комнату не пришел мистер Дуглас.

– Совершенно верно. Мистер Дуглас каждый вечер перед сном обходил дом, проверял печи и камины. За этим и сюда зашел. Убийца ждал здесь и застрелил его. Потом сам вылез в окно, а дробовик оставил. Так я себе все это представляю, другое не вяжется с фактами.

Сержант подобрал с полу карточку, лежащую рядом с убитым. На ней крупно и размашисто были начертаны чернилами две буквы, Д. и В., а снизу – число 341.

– А это что? – спросил он, протягивая карточку своим спутникам.

Баркер удивленно вздернул брови.

– Я ее не заметил, – сказал он. – Должно быть, оставлена убийцей.

– Д. В. 341. Что бы это могло означать?

Сержант крутил карточку в руке.

– Что такое Д. В.? Может, чьи-то инициалы? А что это около вас, доктор Вуд?

На коврике перед камином лежал основательных размеров рабочий молоток. Сесил Баркер указал на гвозди с медными шляпками, лежавшие в ящичке на каминной полке.

– Мистер Дуглас вчера перевешивал картины, – пояснил он. – Я видел, как он стоял на стуле и прибивал картину над камином. Отсюда и молоток.

– Давайте-ка оставим его на месте, – сказал сержант, растерянно почесывая затылок. – Чтобы разобраться с этим делом, боюсь, понадобятся лучшие умы уголовного розыска. Это дело для Скотленд-Ярда. – Подняв над головой лампу, он стал медленно обходить комнату. – Эге, смотрите-ка! – взволнованно воскликнул он, отводя в сторону оконную штору. – В котором часу задергивают шторы?

– Когда зажигают лампы, – ответил дворецкий. – Теперь в четыре с чем-то.

– Здесь несомненно кто-то прятался. – Он посветил вниз, и стали видны грязные отпечатки подошв. – Должен признать, что этим подтверждается ваша теория, мистер Баркер. Выходит, убийца забрался в дом после четырех, когда шторы были уже задернуты, но до шести, когда подняли мост. Проскользнул в эту дверь, так как она рядом с входной и первая попалась ему на глаза. Больше ему негде было спрятаться, вот он и укрылся за шторой. Пока все как будто бы ясно. Вполне может быть, что он собирался ограбить дом; но мистер Дуглас случайно обнаружил его, тогда он его убил и сбежал.

– Я тоже так это себе представляю, – кивнул Баркер. – Однако мы зря теряем время. Не лучше ли выйти наружу и прочесать округу, пока он не успел убраться из здешних мест?

– Ближайший поезд проходит в шесть часов утра, так что по железной дороге он ночью уехать не может, – подумав немного, продолжил сержант. – А если он в мокрой одежде пойдет пешком по дороге, на него почти наверняка кто-нибудь обратит внимание. И вообще, я не имею права покидать место преступления, пока меня не сменят. Думаю, и вы не должны уходить, пока мы тут не разберемся.

Доктор взял у него лампу и стал осматривать тело.

– Что означает этот знак? – спросил он. – Не связан ли он как-то с преступлением?

Рукав халата задрался, правая рука убитого обнажилась до локтя, и на ней виднелось отчетливо проступившее на бледной мертвой коже странное коричневое изображение: треугольник в круге.

– Это не татуировка, – определил доктор, приглядываясь сквозь очки. – Первый раз в жизни вижу такое. Ему когда-то выжгли на руке клеймо, как клеймят скотину. Что бы это могло означать?

– Что это означает, я не знаю, – ответил Сесил Баркер, – но за последние десять лет я много раз видел этот знак на руке Дугласа.

– И я тоже, – сказал дворецкий. – Всякий раз, как хозяин закатывал рукав, я видел у него этот знак. И не раз задумывался, что это такое.

– Ну, тогда, по крайней мере, ясно, что это клеймо не имеет отношения к убийству, – заключил сержант. – Хотя штука очень странная. В этом деле, за что ни возьмись, все странно. Ну, что еще?

Дворецкий, удивленно вскрикнув, указал на раскрытую ладонь убитого.

– С него сняли обручальное кольцо! – сдавленным голосом проговорил он.

– Что?

– Да, да! Хозяин всегда носил на мизинце левой руки гладкое золотое кольцо и сверху перстенек с необработанным камешком, а кольцо в виде змеи – на среднем пальце. Перстенек есть, и змейка есть, а обручальное кольцо пропало.

– Он прав, – сказал Баркер.

– То есть вы утверждаете, что обручальное кольцо было ниже, чем это, с камешком? – переспросил сержант.

– Да.

– В таком случае получается, убийца, или кто-то другой, сначала снял кольцо с камешком, которое вы называете перстеньком, потом снял обручальное кольцо, а потом кольцо с камешком надел обратно?

– Выходит, что так.

Деревенский страж закона обескураженно потряс головой.

– Сдается мне, чем скорее мы передадим это дело специалистам из Лондона, тем будет лучше. У нас есть и свой специалист, Уайт-Мейсон, он парень головастый, что тут ни случалось, он всегда добирался до сути. Уайт-Мейсон скоро прибудет к нам на помощь. Но думаю, все одно на этот раз нам без Лондона не обойтись. И скажу прямо, таким, как наш брат, деревенский полицейский, эдакое заковыристое дело не по зубам.

Глава 4
Тьма

В три часа утра из полицейского управления графства Суссекс на двуколке, запряженной взмыленным рысаком, примчался главный следователь, срочно вызванный в Берлстоун сержантом Уилсоном. «Молочным» поездом в пять сорок он отправил депешу в Скотленд-Ярд и в двенадцать лично встречал нас на местной железнодорожной станции. Уайт-Мейсон оказался спокойным, уверенным в себе румяным и довольно упитанным мужчиной в просторном твидовом костюме, на крепких кривых ногах, облаченных в гетры, и вообще гораздо больше походившим на небогатого фермера или вышедшего на покой егеря, да на кого угодно, только не на известного на весь Суссекс сотрудника здешнего уголовного розыска.

– Дело просто фантастическое, мистер Макдоналд, – несколько раз повторил он. – Стоит прессе пронюхать и смекнуть, чем тут пахнет, и газетчики налетят как мухи. Одна надежда, что управимся раньше, чем они нагрянут и затопчут все следы. Не припомню ничего подобного за всю свою жизнь. Кое-какие обстоятельства, думаю, должны заинтересовать вас, мистер Холмс, и вас тоже, доктор Ватсон, медикам еще предстоит сказать тут свое слово. Остановиться вам придется здесь, в гостинице «Вествилл армс», больше негде, но я слышал, у них чисто и уютно. Слуга занесет ваши вещи. Сюда, пожалуйста, джентльмены.

Благодаря заботам хлопотливого следователя мы за десять минут разместились и устроились. Спустя еще десять минут мы уже сидели в гостиной и слушали сжатое сообщение обо всем, что тут произошло, уже изложенное в предыдущей главе. Макдоналд изредка вставлял слово; Холмс внимательно слушал. С его лица не сходило изумленное и восторженное выражение, он был похож на ботаника, рассматривающего редкий и драгоценный цветок.

– Поразительно! – произнес он, когда рассказ был окончен. – Совершенно поразительно. Не берусь припомнить ни одного такого же странного случая.

– Я ждал, что вы так скажете, мистер Холмс, – торжествуя воскликнул Уайт-Мейсон. – Мы тут в Суссексе от жизни не отстаем. Я описал вам, как все было вплоть до того момента между тремя и четырьмя часами ночи, когда я принял это дело от сержанта Уилсона. Я чуть было не загнал лошадь, ей-богу. Но оказалось, ничего срочного. Мне, в общем-то, нечего тут пока предпринять. Сержант Уилсон разузнал все подробности, я их проверил, оценил, кое-что, совсем немного, добавил от себя.

– Что именно вы добавили? – живо заинтересовался Холмс.

– Во-первых, с помощью доктора Вуда подверг осмотру молоток. Никаких следов схватки на нем не обнаружилось. Я думал, если мистер Дуглас оборонялся этим молотком, он мог ударить им злоумышленника перед тем как выронить орудие из рук. Но молоток чист.

– Это, однако, ничего не доказывает, – возразил инспектор Макдоналд. – Известно много случаев убийства молотком, и при этом на молотке – никаких следов.

– Совершенно верно. Это не значит, что молоток не был использован в схватке. Но на нем могли оказаться пятна, и это бы нам помогло. Однако никаких пятен нет. Затем я осмотрел дробовик. Заряд в нем был с крупной дробью, и, как заметил сержант Уилсон, курки связаны проволокой, нажмешь один задний – и выстрелят оба ствола. Тот, кто применил такое приспособление, хотел стрелять наверняка. Обрез длиной не больше двух футов, его ничего не стоило спрятать под пальто. Фирма-изготовитель целиком не значится; но на ложе между стволами сохранились буквы П о к, а остальная часть отпилена вместе со стволами.

– Заглавное П с росчерком сверху, а О и К поменьше? – спросил Холмс.

– Совершенно верно.

– «Пенсильванская оружейная компания», известная американская фирма.

Уайт-Мейсон уважительно посмотрел на моего друга, точно скромный деревенский врач, взирающий на столичное медицинское светило, единым словом способное разрешить трудность, перед которой сам он спасовал.

– Очень полезное сведение, мистер Холмс. Вы несомненно правы. Прекрасно! Замечательно! Неужели вы держите в памяти имена всех оружейников мира?

Холмс только отмахнулся от столь праздного вопроса.

– Итак, очевидно, дробовик американский, – продолжил свои рассуждения Уайт-Мейсон. – Я где-то читал, что обрезы используются как оружие убийства в некоторых штатах Америки. Так что у меня и без названия фирмы мелькнуло такое предположение. Стало быть, у нас есть некоторые основания считать, что человек, забравшийся в дом и убивший хозяина, – американец.

Макдоналд покачал головой.

– По мне так вы чересчур торопитесь с заключениями, – сказал он. – Я еще не вижу доказательств, что кто-то вообще забирался в этот дом.

– А открытое окно, пятно крови на подоконнике, странная визитная карточка, следы подошв в углу, дробовик?

– Все это могло быть инсценировано. Мистер Дуглас был американец или, во всяком случае, долго жил в Америке. И мистер Баркер тоже. Нет надобности привозить еще одного американца, чтобы получилось американское убийство.

– Дворецкий Эймс…

– А что он? Да и надежный ли он человек?

– Надежный, как скала, десять лет проработал у сэра Чарлза Чандоса. И у Дугласа пять, с того самого дня, как тот поселился в Мэнор-хаусе. Эймс никогда не видел в доме такого оружия.

– Обрез специально предназначен для того, чтобы его прятали. С отпиленными стволами он поместится в любом ящике. Разве Эймс может поклясться, что такого дробовика в доме не было?

– Он, по крайней мере, не видел.

Макдоналд покачал упрямой шотландской головой.

– Нет, вы меня не убедили, что в дом кто-то проник. Да этого же просто не может быть! Это противоречит здравому смыслу! А каково ваше мнение, мистер Холмс?

– Изложите свои доводы, мистер Мак, – распорядился Холмс, словно судья на судебном заседании.

– Человек этот, если предположить, что он вообще существовал, не грабитель. Обручальное кольцо и карточка свидетельствуют о предумышленном убийстве по личным мотивам. Хорошо. Некто проник в дом с намерением совершить убийство. Он не мог не понимать, что уйти с места преступления ему будет нелегко, ведь дом окружен водой. Какое оружие, в таком случае, он должен был выбрать? Казалось бы, самое бесшумное. Тогда у него появлялась бы возможность после выстрела спокойно вылезти в окно и, перейдя ров вброд, скрыться. Это можно было бы понять. Но как понять, что он прихватил с собой оружие, которое стреляет очень громко, понимая, что на выстрел со всех ног примчатся все, кто есть в доме, и что его вполне могут увидеть из окон, когда он будет переходить ров? Неужели в это можно поверить, мистер Холмс?

– М#да, соображения серьезные, – признал мой друг. – Чтобы вас опровергнуть, нужны веские доказательства. Позвольте поинтересоваться, мистер Уайт-Мейсон, был ли произведен немедленный осмотр противоположного берега рва на предмет обнаружения следов того, что кто-то вылезал из воды?

– Следов не было, мистер Холмс. Но тот берег представляет собой каменный уступ, на нем и не могло остаться никаких следов.

– Ни малейших признаков?

– Ни малейших.

– Так. Вы не будете возражать, мистер Уайт-Мейсон, если мы сию же минуту отправимся в усадьбу? Не исключено, что на месте удастся обнаружить еще какую-нибудь ценную мелочь.

– Я как раз собирался вам это предложить, мистер Холмс. Просто мне надо было сначала ввести вас в курс дела. Надеюсь, если что-то привлечет ваше внимание…

Уайт-Мейсон не договорил и вопросительно взглянул на сыщика-любителя.

– Мне уже приходилось сотрудничать с мистером Холмсом, – поспешил успокоить его инспектор Макдоналд. – Он соблюдает правила игры.

– Во всяком случае, те, что соответствуют моим взглядам, – с улыбкой уточнил Холмс. – Я берусь за расследование, чтобы способствовать торжеству правосудия и помочь работе полиции. Если я когда и прерывал сотрудничество с представителями власти, то лишь после того, как они прерывали сотрудничество со мной. У меня нет ни малейшего желания прославиться за их счет. Но при этом, мистер Уайт-Мейсон, я считаю себя вправе действовать своими методами и делиться результатами в свое время – когда работа сделана, и никак не раньше.

– Ваше присутствие – для нас большая честь, и мы будем рады сообщить вам все, что знаем, – сердечно заверил его Уайт-Мейсон. – Вы тоже пожалуйте с нами, доктор Ватсон, придет срок, и мы все надеемся попасть в вашу книгу.

Мы прошли между аккуратно подстриженными вязами по живописной деревенской улице, в конце которой высились два старых, замшелых каменных столба, поддерживавших нечто бесформенное и серое, некогда бывшее геральдическим львом Берлстоунских Капусов. Дальше надо было идти по извилистой подъездной аллее, так густо засаженной дубами, как бывает только в английской сельской местности, потом аллея резко сворачивала и открывался вид на низкий длинный кирпичный дом времен Якова I; справа и слева, как заведено исстари, фасад завершался тисовыми купами. Мы подошли к деревянному подъемному мосту через широкий ров, под холодным зимним солнцем неподвижная вода в нем блестела, точно ртуть.

Три столетия пролетели над Мэнор-хаусом Берлстоуна, три столетия рождений и возвращений в отчий дом, деревенских праздников и охотничьих сборов. И вот теперь на эти благородные древние стены упала тень черного злодейства! Хотя где же и скрываться страшным тайнам, как не под старой островерхой крышей с нависающими карнизами? Глядя на углубленные окна, на длинный темный отражающийся в воде фасад, я подумал, что более подходящей декорации для свершившейся здесь трагедии и представить себе невозможно.

– Вон то окно, – указал Уайт-Мейсон, – первое справа от подъемного моста. Оно оставлено открытым, как было обнаружено ночью.

– Слишком узкое, пожалуй, в него человеку не пролезть.

– Значит, человек был не толстый. Это и без вашей дедукции понятно, мистер Холмс. Однако вы или я смогли бы протиснуться.

Холмс подошел к самой воде и посмотрел через ров. Потом обследовал каменный уступ, на котором мы стояли, и газон, начинавшийся там, где кончался камень.

– Я уже все обшарил, мистер Холмс, – сказал ему Уайт-Мейсон. – Тут нет никаких следов. Да и зачем бы ему оставлять следы?

– Совершенно верно. Незачем. Вода всегда такая мутная?

– Обычно она такая же, как сейчас. Течение приносит глину.

– А глубина тут большая?

– У берегов примерно фута два, а в середине три.

– Значит, мысль, что человек, переходя через ров, утонул, можно отбросить?

– Конечно, тут и ребенок не утонет.

Мы перешли мост. Открыл нам странного вида скрюченный сухонький старичок – дворецкий Эймс. Он был бледен и весь дрожал. В комнате, где произошло убийство, все еще дежурил местный полицейский сержант, долговязый, печальный и исполнительный. Врач уже ушел.

– Есть какие-нибудь новости, сержант? – спросил Уайт-Мейсон.

– Нет, сэр.

– Тогда можете идти. Довольно с вас. Мы пошлем за вами, если понадобится. Дворецкий пусть ждет за дверью. Велите ему предупредить мистера Сесила Баркера, миссис Дуглас и экономку, что вскорости нам могут понадобиться их показания. А теперь, джентльмены, позвольте мне поделиться с вами мнением, которое сложилось у меня, а потом вы сможете составить свое.

Мне он внушал уважение, этот деревенский специалист. У него был приметливый цепкий глаз и здравый ум. Чувствовалось, что он далеко пойдет в своей профессии. Холмс выслушал его внимательно, не выказывая никаких признаков досады и нетерпения, которые обычно у него вызывали доклады официальных лиц.

– Что это, убийство или самоубийство, вот первый вопрос, встающий перед нами, не правда ли, джентльмены? Если предположить самоубийство, тогда мы должны допустить, что самоубийца начал с того, что снял обручальное кольцо и где-то его запрятал; затем спустился из спальни в халате, натоптал грязными подошвами в этом углу, чтобы казалось, будто кто-то ждал его за портьерой, раскрыл окно, измазал подоконник кровью…

– Подобное предположение можно, безусловно, отбросить, – сказал Макдоналд.

– Я тоже так полагаю. Самоубийство исключается. В таком случае здесь совершено убийство. Требуется установить, кем совершено: посторонним человеком, пробравшимся в дом, или кем-то из домочадцев?

– Давайте послушаем ваше мнение.

– Обе версии содержат много неувязок, но либо та, либо эта справедлива. Предположим, преступление совершено одним или несколькими из домашних. Убийца спрятался в этой комнате, когда в доме стояла тишина, но никто еще не спал. Затем был произведен выстрел из необычного и очень громкого оружия как бы специально для того, чтобы оповестить всех в доме. О существовании в доме этого оружия никто прежде не знал. Маловероятное начало, вам не кажется?

– Да, пожалуй.

– Далее. Все показания сходятся на том, что от начала тревоги до того момента, когда все, кто был в доме, – не только мистер Сесил Баркер, утверждающий, что прибежал первым, но и Эймс, и остальные, – оказались на месте преступления, прошло не больше минуты. Не станете же вы утверждать, что за это время преступник успел оставить грязные следы в углу, открыть окно, измазать кровью подоконник, снять кольцо с пальца убитого и так далее? Это невозможно!

– Вы рассуждаете очень логично, – сказал Холмс. – Я склонен с вами согласиться.

– В таком случае мы снова возвращаемся к версии, согласно которой это работа кого-то, кто проник в дом извне. По-прежнему остается много неувязок; но они не кажутся неразрешимыми. Некто пробрался в дом между половиной пятого и шестью, то есть после того, как начало смеркаться, и до подъема моста. В доме были гости, дверь оставалась незапертой, и ничто не могло помешать ему войти. Это мог быть обыкновенный вор, а мог быть человек, сводивший личные счеты с мистером Дугласом. А поскольку мистер Дуглас долго жил в Америке и оружие убийства, по-видимому, американское, последнее предположение пред-

ставляется наиболее правдоподобным. Злоумышленник проскользнул в эту комнату, потому что она ближе всего к двери, и спрятался за портьерой. И простоял там до половины двенадцатого, пока в комнату не вошел мистер Дуглас. Разговор между ними если и произошел, то очень краткий; миссис Дуглас утверждает, выстрел раздался через считаные минуты после того, как муж вышел из спальни.

– Об этом же свидетельствует и свеча, – заметил Холмс.

– Совершенно верно. Новая свеча обгорела не более чем на полдюйма. Вероятно, он поставил ее на стол до того, как в него выстрелили; иначе она бы упала на пол, когда упал он. Значит, на него напали не сразу. Когда прибежал мистер Баркер, свеча на столе горела, а лампа нет.

– Да, тут все ясно.

– Попробуем воспроизвести всю картину согласно этой версии. Мистер Дуглас входит в комнату. Ставит свечу на стол. Из#за портьеры выходит человек. В руках у него обрез. Бог весть зачем он требует у мистера Дугласа кольцо, и тот отдает его. После чего, то ли хладнокровно, то ли в последовавшей драке, Дуглас хватает валявшийся на коврике молоток и неизвестный убивает его выстрелом в лицо. Затем, бросив дробовик и эту странную карточку – Д. В. 341 – он вылезает в окно и перебирается вброд через ров в ту самую минуту, когда Сесил Баркер обнаруживает убитого. Как вам это, мистер Холмс?

– Очень интересно. Но не слишком убедительно.

– Господи! Это совершенно невероятно, но ведь и другие версии, какую ни возьми, еще невероятнее, – горячо возразил Макдоналд. – Убит человек, и кто бы ни был убийца, я легко могу доказать, что он действовал нелепо и необдуманно. Почему он не приготовил себе путь к отступлению? Зачем использовал дробовик, ведь ему было важно, чтобы никто ничего не услышал? Теперь, мистер Холмс, дело за вами. Подскажите что-нибудь, раз вы считаете версию мистера Уайта Мейсона неубедительной.

– Чтобы предложить свою версию, мистер Мак, – начал Холмс, опускаясь на колени возле убитого, – мне потребуются кое-какие дополнительные данные. Бог мой, как же изуродовано его лицо. Пригласите сюда, пожалуйста, дворецкого… Эймс, вам, как я понял, хорошо знакомо это чрезвычайно странное клеймо – треугольник в круге – на руке у мистера Дугласа?

– Да, сэр.

– Вы никогда не слышали, чтобы он что-то о нем рассказывал?

– Никогда, сэр.

– Должно быть, было очень больно, когда его ставили. Это ведь ожог. И посмотрите-ка сюда, Эймс, на пальце налеплен кусочек пластыря. Вы видели его днем, когда мистер Дуглас был жив?

– Да, сэр. Он порезался утром во время бритья.

– А прежде такое случалось?

– Исключительно редко, сэр.

– Любопытно, – покачал головой Холмс. – Это может быть простым совпадением, но может и служить признаком нервозности человека, узнавшего, что ему угрожает опасность. Эймс, ничего необычного вы в его поведении вчера не заметили?

– Я обратил внимание, что он был слегка возбужден, сэр.

– Ага! В таком случае, вполне вероятно, нападение было не совсем неожиданным. Это уже кое-что, не правда ли? Мистер Мак, не хотите ли сами снимать показания?

– Нет, мистер Холмс. Предпочту передоверить это вам.

– Ну что ж. Перейдем к карточке «Д. В. 341». Это кусок шершавого картона. Есть в доме такой картон, Эймс?

– Насколько мне известно, нет, сэр.

Холмс подошел к столу и провел на промокательной бумаге черточки чернилами из каждой чернильницы.

– Писалось не здесь, – заключил он. – Писали черными чернилами, а в чернильницах фиолетовые. И перья здесь тонкие, а надпись сделана толстым пером и, судя по всему, заранее. Можете вы что-нибудь сказать о ней, Эймс?

– Нет, сэр.

– А вы, мистер Мак?

– Какое-то тайное общество…

– И у меня возникла та же мысль, – сказал Уайт-Мейсон.

– Что ж, примем это как рабочую гипотезу и посмотрим, продвинемся ли мы в своем расследовании. Итак, посланец некоего тайного общества пробирается в дом, выжидает, пока появится мистер Дуглас, чуть ли не сносит ему голову выстрелом из дробовика и уходит вброд через ров, оставив подле тела карточку, которая, когда о ней напишут газеты, даст знать остальным членам общества, что месть свершилась. Все логично. Но почему он выбрал такое шумное оружие?

– Вот именно.

– И зачем снял кольцо?

– Да, да.

– И почему до сих пор никого не задержали? Сейчас уже третий час пополудни, и можно не сомневаться, что каждый полицейский на сорок миль в округе во все глаза высматривает неизвестного в мокрой одежде.

– Ваша правда, мистер Холмс.

– Если только он не затаился где-нибудь поблизости или не приготовил себе под камнем сухой одежды. И, однако же, до сих пор не задержали! – Холмс подошел к окну и стал рассматривать в лупу кровавое пятно на подоконнике. – Это несомненно отпечаток подошвы. Притом весьма широкой; здоровенная лапа, как говорится. Странно, потому что, насколько можно судить по грязному следу в углу, там отпечаталась нога более узкая. Впрочем, тот след очень нечеткий. А что это лежит под столиком?

– Гантели мистера Дугласа, – пояснил Эймс.

– Не гантели, а гантель. Здесь только одна. А куда подевалась другая?

– Не знаю, мистер Холмс. Возможно, она и была одна. Они мне уже давно на глаза не попадались.

– Одна гантель… – задумчиво повторил Холмс.

В эту минуту громко постучали. В приоткрывшуюся дверь заглянул высокий загорелый мужчина с умным бритым лицом. Я без труда догадался, что это и есть Сесил Баркер, о котором уже был наслышан.

– Простите, что прерываю ваши консультации, – проговорил он, – но хочу сообщить вам последнюю новость.

– Задержали?

– К сожалению, нет. Но нашли велосипед. Убийца оставил его здесь. Пойдемте, я вам покажу. Всего в сотне шагов от входной двери.

На подъездной аллее мы увидели группу из трех или четырех конюхов и нескольких зевак. Они разглядывали велосипед, который вытащили из вечнозеленой изгороди, где он был запрятан. Велосипед был марки «Радж-Уитфорд», далеко не новый и сильно заляпанный грязью; как видно, на нем приехали издалека. Сзади под седлом висела сумка, в ней оказался гаечный ключ и масленка, но ничего, что указывало бы владельца.

– Было бы больше пользы, если бы велосипед был зарегистрирован и имел номера, – сказал инспектор. – Но спасибо и за то, что есть. Если мы не можем сказать, куда делся убийца, по крайней мере скоро выясним, откуда он приехал. Но, ради всего святого, с какой

стати он оставил велосипед? На чем же он уехал? В этом загадочном деле никакого проблеска, мистер Холмс.

– Да? – задумчиво произнес мой друг. – Ну, не знаю.

Глава 5
Действующие лица трагедии

– Вы все осмотрели в кабинете? – спросил Уайт-Мейсон, когда мы вышли в холл.

– Как будто бы все, – ответил инспектор, а Холмс молча кивнул.

– Тогда, может быть, вы хотите услышать показания кое-кого из домашних? Эймс, мы расположимся в столовой. Первым зайдите вы и расскажите все, что вам известно.

Рассказ дворецкого был простым и ясным и оставил впечатление неподдельной искренности. Он поступил сюда пять лет назад, как только Дуглас перебрался в Берлстоун. Эймс считал, что его хозяин – богатый джентльмен, составивший состояние в Америке. Он был, может быть, не так вежлив с прислугой, как его бывшие хозяева, но нельзя же требовать от жизни всего. Чтобы мистер Дуглас чего-то опасался, он никогда не замечал; наоборот, он не встречал в жизни человека бесстрашнее. Подымать на ночь мост хозяин распорядился просто потому, что так было заведено в этом доме раньше, а он старался поддерживать старинные обычаи.

Мистер Дуглас редко бывал в Лондоне и вообще почти не покидал Берлстоуна; но накануне того дня, когда совершилось преступление, он ездил что-то покупать в Танбридж-Уэллс. И Эймс потом обратил внимание, что он был чем-то взволнован, выказывал признаки беспокойства и раздражения, обычно ему несвойственные. Вчера вечером, когда раздался громкий звон колокольчика, Эймс находился в буфетной, расположенной в задней части дома, убирал там столовое серебро. Выстрела он не слышал, что, впрочем, естественно, так как буфетная и кухня отделены от остальной части дома длинным коридором с плотно закрывающимися дверьми. Экономка тоже услышала звон, вышла из своей комнаты, и они вместе поспешили в кабинет хозяина.

В холле Эймс увидел миссис Дуглас, спускающуюся по лестнице. Нет, она не спешила, и вид у нее был не встревоженный. Когда она сошла с последней ступени, из кабинета выбежал мистер Баркер. Он остановил миссис Дуглас и стал уговаривать ее вернуться в спальню.

– Ради всего святого, поднимитесь обратно к себе! – умолял он. – Бедный Джек убит! Вы ничем не можете помочь. Вернитесь к себе, ради Бога!

В конце концов мистер Баркер ее уговорил, и она ушла наверх. Хозяйка не плакала и даже не вскрикнула. Миссис Аллен, экономка, пошла с ней и осталась с хозяйкой в спальне. Эймс с мистером Баркером вошли в кабинет, там все было точно в том виде, как сейчас. Свеча в подсвечнике была погашена. Лампа горела. Они выглянули в окно, но стояла темная ночь, и ничего не было ни видно, ни слышно. Тогда они выбежали в холл, где Эймс повернул лебедку, опускающую мост. И мистер Баркер побежал в полицию.

Таков был в общем и целом рассказ дворецкого.

Показания миссис Аллен, экономки, подтверждали рассказ Эймса. Ее комната расположена ближе к господской части дома, чем буфетная, где находился мистер Эймс. Миссис Аллен уже собралась ложиться, когда раздался громкий звон колокольчика. Вообще-то она немного туговата на ухо. Наверно, потому и не слышала выстрела. Впрочем, до кабинета от нее далеко. Она помнит, что был какой-то шум, вроде бы звук захлопнувшейся двери. Но это было гораздо раньше. Когда мистер Эймс бросился в холл, она последовала за ним и увидела мистера Баркера, выходящего из кабинета. На нем лица не было. Он остановил миссис Дуглас, которая спускалась по лестнице, и умолял ее вернуться в спальню, она ему что-то отвечала, но что, было не слышно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.